УДК 821.161.1

ХРИСТИАНСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ Ю. БУЙДЫ «ВОР, ШПИОН И УБИЙЦА»

Оксана А. Колмакова^{1, @}

¹ Бурятский государственный университет, Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24А
[@] post-oxugen@mail.ru

Поступила в редакцию 14.09.2016.
Принята к печати 28.10.2016.

Ключевые слова: Ю. Буйда, «Вор, шпион и убийца», христианский дискурс, современная русская проза, образ, мотив.

Аннотация: В романе «Вор, шпион и убийца» (2014) современного русского писателя Юрия Буйды христианский дискурс обнаруживает себя на различных уровнях организации текста: жанровом (автобиография / исповедь), образном (маргиналы, безумцы / нищие духом), мотивном (несовершенство человеческой природы / грех), сюжетном (трудный путь сына к отцу / притча о блудном сыне) и др. С одной стороны, христианские аллюзии являются в романе проявлением интертекстуальной поэтики, создающей культурный контекст для восприятия постмодернистского текста. С другой стороны, христианский «код» оказывается наиболее релевантным для раскрытия философско-психологического содержания произведения, поскольку в христианских категориях выражается авторское отношение к ведущим культурным смыслам эпохи, к современному человеку и к себе самому.

Для цитирования: Колмакова О. А. Христианский дискурс в романе Ю. Буйды «Вор, шпион и убийца» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 164 – 168. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-164-168.

В современном литературоведении и критике прозу Ю. Буйды принято рассматривать в аспекте таких категорий, как «стилизация», «эстетизация», «(пост) модернистская игра». Так, М. В. Безрукавая замечает, что Буйда «может быть назван мастером модернистского эгоцентризма, особого художественного понимания человека, которое предусматривает приоритетное внимание к эстетическим, а не этическим ракурсам» [1, с. 101]. Говоря о прозе Ю. Буйды, Е. Александрова-Зорина практически апеллирует к словам И. Бродского: «Писатель <...> отвечает перед языком» [2]. Для Т. Г. Прохоровой роман «Вор, шпион и убийца» – это «метапроза, своеобразный творческий автокомментарий, и, своего рода призма, в которой преломляются законы существования художественного мира Буйды» [3, с. 110].

Однако раскрывая некоторые секреты своей творческой мастерской, Ю. Буйда вводит иной, внеэстетический контекст для восприятия своих произведений. Так, в интервью Ю. Рахоевой писатель замечает следующее: «мне по-человечески удобнее думать, что всех нас – в том числе, конечно, и меня – забудут, а значит, писательская работа превращается в подвиг святости. Приятно же думать, что твоя работа чем-то похожа на молитвы отцов-пустынников, о существовании которых никто и не подозревал, однако подвиг этих безымянных людей остался в духовной копилке человечества, об истинном содержании которой нам мало что известно» [4]. Примечательно также и такое признание писателя: «Художник никому ничего не должен, только языку. Настоящий писатель бьется с ним, как Иаков в темноте бился с ангелом, не зная с кем» [5].

Несмотря на то, что в современном культурном пространстве постмодерна слово часто приобретает

иронические коннотации, сравнение писательского подвига с христианским подвижничеством у Ю. Буйды представляется не случайным. С позиций христианского дискурса нами был предпринят анализ романа «Вор, шпион и убийца», что позволило выявить неоднозначность христианского «кода» в этом произведении.

На первый взгляд, в романе создан традиционный для прозы Ю. Буйды образ рассказчика-эстета, писателя, к которому автор уже обращался в книге «Прусская невеста» (1999), романе «Синяя кровь» (2011), повести «Яд и мед» (2013). В романе «Вор, шпион и убийца» судьбы персонажей оформлены подчеркнуто фикциональным повествованием. Сюжеты их жизней рассказчик «сворачивает» то в сказку («Вероника Андреевна и ее безногий муж прожили долгую жизнь, умерли в один день» [6, с. 34]), то в миф (история о трех женах лесника как полигамный миф, «воскресший» в страшной послевоенной реальности). То и дело в романе обыгрываются образы, заявленные в его названии. В первой главе – это вор «цыганенок» и убийца няньки Нилы Калитин; далее – воры с книжной свалки при бумажной фабрике; безымянная воровка колхозного поросенка; шлюха «Лиса», убившая мать, ее любовника и свою дочь и т. д.

При этом смерть в романе также эстетизирована. Чего, к примеру, стоит абсолютно карнавализованное описание похоронной процессии: «<...> ставили в кузов гроб с покойником, за машиной выстраивались родственники, за ними – оркестр во главе с вечно пьяным Чекушкой, а следом вытягивалась процессия – привыкшие к смерти старушки в плюшевых жакетах, соседи, мятежная баба Буяниха в пальто со шкурой неведомого зверя на воротнике, беспричинные люди – пьяницы, которые надеялись напиться на поминках, дурак Вита Смо-

локуров и дурочка Общая Лиза, бродячие собаки да какая-нибудь шальная коза с пучком травы в зубах...

Иногда двигатель полуторки глох, и машину приходилось толкать. Рождественники, соседи и сумасшедшие дружно налегали, Коля <водитель> матерился, оркестр играл что-нибудь бодрящее, бродячие псы лаяли, коза отчаянно блеяла, наконец мотор начинал стрелять и рычать, и шествие возобновлялось» [6, с. 7].

В романе постоянно упоминаются имена писателей и поэтов, что также акцентирует внимание на эстетической стороне текста. У Буйды можно встретить цитаты из Шекспира, Шиллера, Рильке, Боратынского, Тютчева и др. Имена писателей упоминаются в романе и в гротескной форме, когда рассказчик вспоминает своих соседей: «одноногого старика Набокова» и «Анну Ахматову, всю жизнь торговавшую селедкой» [6, с. 67].

Наибольшего внимания Ю. Буйды удостоился Н. В. Гоголь как один из писателей, близких ему по духу. Открытие Литературы происходит у героя Буйды по прочтении «Ревизора», затем он создаст нечто вроде «ремейка» гоголевской комедии для своих одноклассников, а впоследствии ему предстоит воплотить в жизнь один из сюжетных ходов «Ревизора», когда он будет, говоря словами Хлестакова, «волочиться напропалую» за Эммой и Риммой, приходящимися друг другу матерью и дочерью. «Игра» с Гоголем обнаруживается у Буйды и в самом «языке» романа, в частности, в особом пристрастии к сложным «гоголевским» фамилиям (Добробабин, Ковалайнен, Смолокуров) и каламбурам: «За связь без брака» (лозунг на почте), «Пятилетка в три гроба» (о случившихся друг за другом смертях Брежнева, Андропова и Черненко), «красовки» (народная этимология – «Красота же!») и др.

Все вышеперечисленное позволяет говорить о высокой степени литературности текста Буйды. Однако литературоцентричный, гротескно-игровой пласт романа является лишь фоном для развития основного романного сюжета – сюжета обретения героем писательской и человеческой идентичности. В этом сюжете, по нашему мнению, христианский дискурс играет основополагающую роль, несмотря на его скрытый, аллюзивный характер (в отличие, например, от поэмы В. Ерофеева «Москва – Петушки» или романа М. Елизарова «Pasternak»), что говорит о его сокровенности для автора и его автобиографического героя.

Прежде всего, герой с детства ощущает, что существует как бы в двух «топосах», для которых позже он заимствует названия у Блаженного Августина – «Град Земной» и «Град Небесный» (Августин противопоставляет друг другу два рода «человеческого племени»: племя Каина как земное, телесное, и племя Авеля как духовное. Каин возвел город во грехе, Авель, странник – «Град Святых», «Град вышний» [7, с. 67]). Ю. Буйда создает образ города своего детства, города, во многом сформировавшего его личность. Критики и исследователи неоднократно отмечали важность пространственных образов для прозы Буйды. По мнению Г. Каневского, Ю. Буйда творит новую «литературную землю» – «город / поселок Велау / Знаменск» [8]; анализируя роман «Синяя кровь», Е. Горшкова заметила, что

«если Ида Змойро – центральная фигура романа, то второй герой <...> город Чудов» [9, с. 177]; Т. Сохарева называет дом «единственным “живым” персонажем» повести «Яд и мед» [10] и др. В романе «Вор, шпион и убийца» герой ощущает какую-то «болезненную потребность» в возвращении в «родной городок», несмотря на то, что жизнь там была «скудной, унылой, иногда – непристойной, подчас – жестокой и унижительной, почти всегда – невыносимой» [6, с. 23]. Жители этого города – обыкновенные пьяницы, сумасшедшие, нравственные и физические уроды, для которых придумано особое слово – *паице* (падшие).

Автор подчеркивает обыденность такой жизни, изображая ее как проявление греха, царящего в любой точке Града Земного, будь то калининградская инфекционная больница, в которой празднование Пасхи превращается в оргию, или ежедневный «ад» колхозной жизни, с которой то и дело приходится сталкиваться герою – корреспонденту районной газеты. При этом его отношение к категории греха нельзя назвать однозначным. С одной стороны, герой не разделяет идеи «нормальности» греха, хотя подобные мысли активно будируются в современном обществе (об этом с сожалением пишет архиепископ Иоанн (Шаховской): «зло внушило людям требования греха называть – требованиями природы» [11, с. 124]). С другой стороны, с первых страниц романа автором вводится максима о том, что «человек может и должен черпать силы в осознании собственной греховности» [6, с. 13].

Ю. Буйда считает греховность человеческого существования знаком его подлинности, «правды божьей». Поэтому-то и возникают компоненты христианской коннотации в описании *паиц* персонажей. Только став взрослым, герой-рассказчик понимает, какие глубокие нравственные мучения испытывала Вероника Андреевна, изменявшая любимому, но бесплодному мужу, чтобы в их семье были дети. И зрелому же герою открывается подлинная высота духа сумасшедшей Гертруды, повторяющей, как молитву, одни и те же строки Шиллера: «Обнимитесь, миллионы, в поцелуе слейся, свет, братья, над шатром планет есть отец, к сынам склоненный!» [6, с. 74].

Христианский дискурс наиболее ярко проявляет себя в сюжете *паицей* «Лисы», Сени, «героини семейных скандалов и непристойных историй». Создавая ее портрет, Буйда обращается к постмодернистской стиливой игре – описывает падшую женщину библейским слогом, используя при этом прямую цитату из Откровения Иоанна Богослова [12]: «Она сидела напротив, *одетая в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства*» [6, с. 210]. В ходе развития сюжета это ироническое «остранение» героини сыграет роль «кода» ее образа.

Пытаясь приобщить Сеню к культуре, герой-рассказчик знакомит ее с романом Л. Н. Толстого «Анна Каренина», в котором более всего Сеню поразит эпиграф – «Мне отмщение, и Аз воздам». Сеня совершает тройное убийство: любовника своей матери, который

изнасиловал дочь Сени, матери, пытавшейся защитить любовника, и дочери, чтобы та «не повторила судьбу матери, то есть Сени» [6, с. 213]. Ее убийства – это месть судьбе за поруганные жизни – свою и дочери. Герой-рассказчик понимает, что Сеня истолковала слова апостола Павла ошибочно, «как будто вывернув наизнанку», но он признает, что «иногда человеческое “наизнанку” ближе к правде божьей, чем правота тех, кто не способен любить» [6, с. 215]. Сеня с готовностью принимает грядущее наказание: перед тем, как совершить роковое признание, она принимает ледяной душ, символизирующий ее духовное очищение. Мученическая смерть в тюрьме (в драке Сене перерезали горло куском стекла) закономерно завершает христианский сюжет героини.

Среди персонажей романа одним из ключевых является образ отца, который также может быть рассмотрен в аспекте христианской проблематики. Тема отца в романе неизменно оформляется возвышенно-библейской стилистикой. Так, карта железных дорог становится для отца «планом мироздания» [6, с. 59]; рассказы отца о людоеде и несостоявшемся расстреле вызывают у героя «приступ <...> библейского стыда» [6, с. 64]; весьма красноречиво напутствие отца, сделанное сыну-писателю: «И если ты однажды заглянешь в душу человека, грызущего семечки, и не найдешь там <...> ни дьявольской тяги к саморазрушению, ни страсти к божественному полету, – грош тебе цена» [6, с. 106]. И слова рассказчика о том, что «ребенок в детстве оглядывается на отца, а взрослый – на бога» [6, с. 306] прямо говорят о возможности прочтения образа отца в романе по теологическому «коду».

Всю жизнь отец остается для героя далеким и непонятым, их отношения прохладны или отсутствуют вовсе. И только после смерти отца герой по-настоящему обретает его. Оказалось, что жесткий, всегда сдержанный на любовь и ласку отец сорок лет хранил среди своих самых дорогих вещей глиняного петушка-свистульку – игрушку своего сына. Символическое возвращение «блудного сына» к Отцу завершает процесс обретения человеческой идентичности героя: к нему приходит «странное чувство покоя и тихой, ясной радости» [6, с. 314]. Прочитываемая в сюжете романа «Вор, шпион и убийца» притча о блудном сыне с ее семантикой покаяния придает автобиографическому тексту Ю. Буйды оттенок исповеди.

Воссоединение с отцом укрепляет героя на его пути ко Граду Небесному, который прежде уже открылся ему в творчестве. Дорога к собственному творчеству лежит у героя через постижение чужого. Придуманным в детстве словом «*лиарды*», означающим несметные сокровища, герой-рассказчик называет художественную литературу, приобщение к которой началось у него с чтения «Ревизора». Гоголевский мир, населенный «уродами и идиотами», возносит героя «на какие-то высоты света <...> выше чего ничего не бывает» [6, с. 86]. Позже герой будет рыдать над строками из стихотворения Е. А. Боратынского «Последняя смерть»: «Но иногда, мечтой воспламененный, // Он видит свет, другим не откровенный» [6, с. 95]. Катарсическое восклицание, вырвавшееся из груди героя, напоминает молитву: «Как хорошо

и светло было мне плакать! Как отчаянно и светло, о господи!» [6, с. 96].

Устойчивый мотив света, возникающий по отношению к творчеству, – прямое указание на его божественную природу. В Священном Писании свет является одним из постоянных символов чистоты, святости, радости: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» [13]; «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославили Отца вашего небесного» [14]; сотворение мира начинается со света [15]; в Откровении святого Иоанна Богослова неоднократно упоминается, что Царство небесное есть пришествие Царства света и др. Осознав себя писателем, творцом своих собственных «*лиардов*», герой видит «город на высокой горе, столбашенный город великий и белый», и буквально слышит слова апостола Иоанна: «И увидел я новое небо и новую землю» [6, с. 312] – Град Небесный, «гражданином» которого отныне становится герой.

Слова из Откровения Иоанна Богослова не случайны. Мотивы этого текста возникают в романе неоднократно: в комментарии идей Мартина Бубера о конце света как о цели человеческой жизни [6, с. 24]; в детских ощущениях героя (Калининград – «место, где кончается свет» [6, с. 45] или «в детстве <...> каждая утрата – Апокалипсис» [6, с. 160]); в уже упомянутом описании любовницы героя Сени [6, с. 260], персонифицирующей собой образ Града Земного, Вавилона-блудницы. «Книгой Великой Надежды» называет герой Откровение – этот, в сущности, страшный и жестокий текст, в котором гибельный мир преобразается спасительной силой веры в мир света и гармонии. Для героя такой спасительной силой является творчество. Можно отметить, что у Ю. Буйды концепция творчества, чьим источником является мир греха, созвучна идеям Н. Бердяева, который писал: «Человеческая природа, искупленная и спасенная от зла, имеет положительное человеческое содержание и положительную человеческую задачу. Таким содержанием и задачей может быть лишь творчество. Творчество человека связано с оргийно-экстатической стихией человека. Стихия эта находится в падшем греховном состоянии» [16, с. 123]. Для Буйды – героя и автора – творчество есть способ обретения *der Ganze*, «целостности <...>, о которой тоскует всякий человек, страдающий дефицитом божественности» [6, с. 278].

Итак, можно сделать вывод о том, что христианство в романе Ю. Буйды «Вор, шпион и убийца» является не только традиционной для русской литературы метафорой духовности. У Буйды грех изображается как качественная характеристика современного мира, символом которого стал Град Земной, противопоставленный светлomu и гармоничному началу – Граду Небесному. Теологический «код» становится ведущим в романе: как Человек герой идентифицируется с Отцом, а как писатель – с Творцом. Обращаясь к теме Творца, писатель говорит вполне серьезно о том, что творчество для него и есть способ бытия, единственно возможная форма жизни.

Литература

1. Безрукавая М. В. Творчество Ю. Буйды как литературный проект // Язык и культура. 2015. № 16. С. 100 – 105.
2. Юрий Буйда: «Литература никого ничему не учит...». Беседовала Е. Александрова-Зорина // Блог Thankyou.ru. 31 мая 2013. Режим доступа: <http://blog.thankyou.ru/yuriy-buyda-literatura-nikogo-nichemu-ne-uchit/> (дата обращения: 15.08.2016).
3. Прохорова Т. Г. Роман Юрия Буйды «Вор, шпион и убийца»: между автобиографией и вымыслом // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 2. С. 106 – 110.
4. Рахаева Ю. Замочные скважины. Юрий Буйда, финалист «Большой книги», – о том, чем работа писателя похожа на молитвы отцов-пустынников... // Российская газета. 2013. 6 ноября. № 6225(249). Режим доступа: <http://rg.ru/2013/11/06/bujda.html> (дата обращения: 10.08.2016).
5. Юрий Буйда: «Наша речь, как расплавленная магма» // Портал городских новостей «Вечерняя Москва». 5 февраля 2015. Режим доступа: <http://www.vm.ru/news/2015/02/05/yuriy-bujda-nasha-rech-kak-raspplavlennaya-magma-277888.html> (дата обращения: 10.08.2016).
6. Буйда Ю. Вор, шпион и убийца: роман. М.: Эксмо, 2014. 320 с.
7. Блаженный Августин. О граде Божием: в 4 т. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Т. 3. 283 с.
8. Каневский Г. Юрий Буйда. Все проплывающие (рецензия) // Colta.ru. 15.06.2011. Режим доступа: <http://os.colta.ru/literature/events/details/23083/> (дата обращения: 10.08.2016).
9. Горшкова Е. Не такое уж темное царство // Октябрь. 2011. № 11. С. 174 – 178.
10. Сохарева Т. Автор выпил меду. Вышла книга финалиста «Большой книги» Юрия Буйды «Яд и мед» // Газета.ru. 06.02.2014. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/culture/2014/02/05/a_5883597.shtml (дата обращения: 08.08.2016).
11. Архиепископ Иоанн (Шаховской). Апокалипсис мелкого греха. Избранные статьи. М.: Сретенский монастырь, 2011. 224 с.
12. Откровение святого Иоанна Богослова. Гл. 17. Стих 4.
13. От Иоанна святое благовествование. Гл. 1. Стих 4.
14. От Матфея святое благовествование. Гл. 5. Стих 16.
15. Бытие. Гл. 1. Стих 3.
16. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Философия творчества, культуры и искусства: в 2-х т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. 188 с.

CHRISTIAN DISCOURSE IN YU. BUIDA'S NOVEL «THIEF, SPY AND MURDERER»

Oksana A. Kolmakova^{1, @}

¹ Buryat State University, 24A, Smolina St., Ulan-Ude, Russia, 670000
[@] post-oxygen@mail.ru

Received 14.09.2016.

Accepted 28.10.2016.

Keywords: Yu. Buida, "Thief, Spy and Murderer," Christian discourse, modern Russian prose, image, motif.

Abstract: In the modern Russian writer Yuri Buida's novel "Thief, Spy and Murderer" (2014), Christian discourse reveals itself at different levels of the text's organization: genre (autobiography / confession), imaginative (marginal, mad / poor in spirit), motivic (imperfection of human nature / sin), plot (the hard way the son to the father / parable of the prodigal son) and others. On the one hand, Christian allusions in the novel are a manifestation of intertextual poetics, creating a cultural context for the perception of the postmodern text. On the other hand, the Christian "code" is the most relevant for the disclosure of the philosophical and psychological content of the novel, as in Christian categories expressed by the author's attitude to the leading cultural meanings of the era, to modern man, and to himself.

For citation: Kolmakova O. A. Khristianskii diskurs v romane Iu. Buidy «Vor, shpion i ubiitsa» [Christian Discourse in Yu. Buida's Novel «Thief, spy and murderer»]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 164 – 168. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-164-168.

References

1. Bezrukavaia M. V. Tvorchestvo Iu. Buidy kak literaturnyi proekt [Yu. Buida's creativity as a literary project]. *Iazyk i kul'tura = Language and Culture*, no. 16 (2015): 100 – 105.
2. Iurii Buida: «Literatura nikogo nichemu ne uchit...». Besedovala E. Aleksandrova-Zorina [Yuri Buida: "Literature does not teach anyone anything". Interview by Alexandrova-Zorina E.]. *Thankyou.ru*, 31.05.2013. Available at: <http://blog.thankyou.ru/yuriy-buyda-literatura-nikogo-nichemu-ne-uchit/> (accessed 15.08.2016).

3. Prokhorova T. G. Roman Iuriia Buidy «Vor, shpion i ubiitsa»: mezhdru avtobiografiei i vymyslom [Yuri Buida's novel "Thief, Spy and Murderer", between autobiography and fiction]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Serii: Filologiya. Zhurnalistika* = *Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism*, 15, no. 2 (2015): 106 – 110.
4. Rakhaeva Iu. Zamochnye skvazhiny. Iurii Buida, finalist «Bol'shoi knigi», – o tom, chem rabota pisatel'ia pokhozha na molitvy ottsov-pustynnikov... [Keyholes. Yuri Buida, finalist of "Big Book" – about what the writer's work is similar to the prayer of the desert fathers...]. *Rossiiskaia gazeta* = *Russian newspaper*, no. 6225 (249) (2013). Available at: <http://https://rg.ru/2013/11/06/bujda.html> (accessed 08.08.2016).
5. Iurii Buida: Nasha rech', kak rasplavlennaiia magma... [Our speech, as the molten magma...]. *Vecherniiaia Moskva* = *Evening Moscow*, 05.02.2015. Available at: <http://www.vm.ru/news/2015/02/05/yurij-bujda-nasha-rech-kak-rasplavlennaya-magma-277888.html> (accessed 08.10.2016).
6. Buida Iu. *Vor, shpion i ubiitsa* [Thief, Spy and Murderer]. Moscow: Eksmo, 2014, 320.
7. Augustine. *O grade Bozhiem* [The City of God]. Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyria, vol. 3 (1994): 283.
8. Kanevskii G. Yurii Buida. Vse proplyvaiushhie (retsenziia) [Yuri Buida. All sailing (review)]. *Colta.ru*, 15.06.2011. Available at: <http://os.colta.ru/literature/events/details/23083/> (accessed 10.08.2016).
9. Gorshkova E. Ne takoe uzh temnoe tsarstvo [Not so dark kingdom]. *Oktiabr'* = *October*, no. 11 (2011): 174 – 178.
10. Sokhareva T. Avtor vypil medu Vyshla kniga finalista «Bol'shoi knigi» Iuriia Buidy «Iad i med» [Author drank honey. Yuri Buida's book "Poison and Honey", the finalist "Big Book", was published]. *Gazeta.ru* = *Newspaper.ru*, 06.02.2014. Available at: http://www.gazeta.ru/culture/2014/02/05/a_5883597.shtml (accessed 08.08.2016).
11. Archbishop Ioann (Shakhovskoi). *Apokalipsis melkogo grekha* [Apocalypse of minor sin]. Moscow: Sretenskii monaster, 2011, 224.
12. *Otkrovenie sviatogo Ioanna Bogoslova* [Revelation of St. John the Divine]. 17: 4
13. *Ot Ioanna sviatoe blagovestvovanie* [Gospel of John]. 1: 4.
14. *Ot Matfeia sviatoe blagovestvovanie* [Gospel of Matthew]. 5: 16.
15. *Bytie* [Genesis]. 1: 3.
16. Berdiaev N. A. *Filosofiia tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [Philosophy of creativity, culture and art]. Moscow: Iskusstvo, vol. 1 (1994): 188.